
Елена Амяго
Фая

Елена Амяго

Фая

«Автор»
2026

Амяго Е.

Фая / Е. Амяго — «Автор», 2026

Пока есть планы и мечты, недосягаем горизонт будущих событий, но наступает момент, когда встаёшь на эту мнимую черту и понимаешь: впереди больше ничего нет. Остаётся только оглянуться назад и оценить свой прожитый путь. А затем — свернуть свою дорожку, уложить багаж за плечи и шагнуть за грань, откуда уже нет возврата.В свой последний земной день на девятом десятке слепая Фаина упрямо перелистывает живые слайды памяти, вновь проживая историю своей большой забайкальской семьи. Перед глазами читателя разворачивается суровая и звенящая летопись Могочинского таёжного края: отголоски «золотой лихорадки», каторжный ручной труд на шурфах Мукурунды, горькие волны раскулачивания и призыв сорок второго. Эта повесть — честный, пронзительный рассказ о силе человеческого духа, стальной казачьей и цыганской воле, трагических потерях и великой жажде жизни, которая побеждает любые шрамы войны и капризы неумолимой судьбы.

© Амяго Е., 2026
© Автор, 2026

Фая

Елена Амяго.

Фая.

Фая глубоко вздохнула и опустила подбородок на кисти рук, сложенные на набалдашнике трости. В комнате было тепло, солнечно и пыльно.

Мерно тикали часы, отсчитывая девятый десяток Фаиной жизни. Монотонно покачиваясь в такт секундной стрелке, она никак не могла найти удобную позу. От длительного, почти неподвижного сидения у неё затекли все косточки. Постоянно что-то ныло, жгучий шарик боли перекатывался, как эстафета, по старческому телу.

На улицу Фая не выходила года два — с тех самых пор, как они с мужем Василием переехали в районный центр, в Могочу, из своего деревенского ветхого дома. Василию, как ветерану войны, положена была благоустроенная квартира. И вот дождались старики под занавес своих лет жилья со всеми удобствами. Лишь изредка старушка появлялась на балконе, выходившем окнами на пыльную проезжую часть. Не сказать, чтобы там был свежий воздух, скорее — свежая пыль, пахнущая после дождя примесью сырой травы. Но Фая этот запах улицы не могла уловить: обоняние она утратила ещё в молодости, а зрение потускнело и окончательно потухло уже на восьмом десятке жизни.

— Точное время — девять часов! — громко и отчётливо сообщили настенные часы. Тут же говорящий прибор продублировала кукушка в стареньких деревянных часах. Следующая очередь была ещё за одним механизмом — с тяжёлым боем, отсчитывающим удары, но с недавнего времени его ход остановился.

Фая согласно кивнула самой себе: сейчас придёт её старший сын Борис из магазина и приготовит обед. Борис остался пожить с матерью недельку-другую после дня памяти Василия Петровича, своего отца, который ровно год назад в окружении детей и внуков ушёл из жизни на их глазах. И никто не мог помешать этому великому закону природы. Тогда, после ухода Василия Петровича, и замолчали навсегда старые часы с боем — некому их было больше заводить и подкручивать гири.

Фая повернулась к столу и осторожно протянула дрожащую руку к настольному проводному телефону. Не снимая трубки, стала задумчиво прощупывать кончиками натруженных пальцев дырочки телефонного диска, под которыми прятались невидимые цифры. Она не помнила, да и не знала ни одного номера, который могла бы набрать наощупь, но ей это и не нужно было. Она уже давно никому не звонила. Дети и внуки звонили как по расписанию: кто-то в свои выходные, а некоторые — интуитивно угадывая, что Фая сейчас сидит возле телефона и ждёт.

Вот уже год, как она в полном одиночестве, если не считать Веру из социальной службы да редкие визиты детей, целыми днями просиживала в слепой тишине, не включая даже радио. Радио было ей неинтересно, ничего нового оно ей не могло рассказать или удивить мировыми новостями. Куда любопытнее были редкие вести из телефонной трубки, которую Фая, бывало, бережно прижимала к уху.

— Алё, Леночка! — Фая всякий раз оживлялась. — Ну что, сходила ты на своё собеседование? И чего? Ну и плюнь, подумаешь, найдёшь ещё интереснее!

На другом конце с мобильного пробивался молодой голос внучки:

— Баба, как ты? Какая там у тебя погода? Что ты сегодня ела?

— Да чё я ела… чай пила. Шишку вот себе в глаз засадила, когда полезла за картошкой, — хныкала Фая.

— Ого! А зачем ты за ней полезла? Вера же есть.

— Ну захотелось жареной картошки, а я шарила-шарила, наклонилась и прямо об угол косяка присандалилась, — Фая немного поморщилась, с шипением втянув в себя воздух от воспоминания боли.

Если бы старшая внучка Лена увидела сейчас Фаю, она не сдержала бы слёз от вида её заплывшего глаза, нахлобученного дряблым сизо-лиловым веком.

А сегодня телефон молчал. Понедельник.

«И вчера не позвонила, — недоумевала Фая. — Обычно по воскресеньям звонит, а в прошлый раз обещала рассказать про поездку в этот, как его… В Петербург они ездили-то нынче... Да, Петербург». У Фаи была завидная для её возраста память, хоть она и приговаривала каждый раз, поздравляя своего очередного внука:

— Вот нынче-то я стала забыва-а-а-ать… В прошлом году ещё помнила, что у тебя сегодня день рождения, а нынче стала забывать… — Каждый год на протяжении более десяти лет Фая с этих слов начинала своё поздравление, хотя прекрасно помнила все даты до единой.

Фая прислушалась к себе, медленно выуживая из темноты яркие моменты прошлого. Ей известно было такое мнение, что перед смертью у человека вся жизнь перед глазами пробегает за одно мгновение. Как это возможно? Ведь жизнь такая долгая, важных событий накопилось столько, что смотреть — не пересмотреть, а тут раз — и в один миг всё промелькнёт.

«Вдруг что рассмотреть не успею», — иронично подумала Фая. Но тут же внутренне затихла, поняв, что её собственный архив впечатлений уже готов к раскрытию. Время повернулось вспять, сухой щелчок воображаемого проектора разорвал слепую тишину, и Фая принялась один за другим перелистывать цветные, живые слайды своей памяти…

***

Раннее зимнее утро. Дом ещё спал в глубоких, синих сумерках, когда босые детские пятки тихо зашлёпали по холодным половикам. Маленькая Фая шустро взобралась на лавку возле окна и прижалась лбом к стеклу. Оно отозвалось обжигающим, резким холодом, от которого сразу пропали остатки сна. Всё стекло покрывала шершавая белая изморозь. Фая протянула руку и аккуратно коснулась пальчиком ледяного кружева. От тепла её ладони хрупкие хрустальные иголочки мгновенно превратились в прозрачные капли воды.

Девочка прильнула глазом к крошечному талому кружку: там, в предрассветном сибирском полумраке, отец уже вовсю махал лопатой, ходко расчищая дорожку от навалившего за ночь пушистого снега. Фая осторожно провела пальчиком по сказочным деревьям на стекле и обернулась в угол комнаты, где стояла нарядная, пахнущая смолой ёлка. Скоро Новый год!

За окном небо уже окрасилось в нежно-розовый свет, и озорной лучик заглянул в люльку, где мирно посапывала новорожденная сестрёнка. Фая поджала босые ножки — изба за ночь заметно остыла, от пола тянуло сквозняком. Но разве можно спать, когда на носу праздник!

В кухне за бревенчатой стенкой мама уже вовсю стряпала блины — уютный, сытный запах расползался по всему дому. Фая обожала мамины блинчики. Она решила надеть тёплые, из собачьей шерсти носки и выйти к печке. Проходя мимо бабушкиной комнаты, девочка осторожно заглянула в приоткрытую дверь: проснулась ли баба Лена?

Баба Лена — строгая отцовская мать — стояла спиной к Фае возле старого комода и что-то со скупой бережливостью складывала в маленький ситцевый платочек. Фае было ужасно любопытно: что там бабушка прячет в своём узелке? Но спросить она постеснялась — неизвестно было, какое сегодня у бабы Лены настроение. А пожилая женщина тем временем завязала какие-то тайные вещицы в тканевый лоскут, повернулась к иконе в углу и неспешно, размашисто перекрестилась, шепча одними губами слова молитвы. Потом достала тёмный зимний платок и направилась к выходу, где и наткнулась на притаившуюся внучку. Погружённая в свои невесёлые думы, старуха прошла мимо ребёнка, даже не взглянув.

— Ба, ты куда? — не удержавшись, тихонько спросила Фая.

Но баба Лена не ответила, только молча потянулась к вешалке с верхней одеждой.

В этот момент входная дверь с шумом распахнулась, обнажая пушистые белые куржаки, наросшие с внешней стороны входа. Морозный пар сырым, седым кубарем мгновенно ввалился в избу, а следом вошёл заиндевелый отец Фаи — Сергей Борисович.

— Ты куда это, мать, с утра пораньше навострилась? — тут же спросил он, увидав, что баба Лена перебирает на вешалке полушубки в поисках своего тулупчика.

— Грехи замаливать, — неприветливо, глухо отозвалась та, неуклюже втискивая ноги в жёсткие валенки.

— Чего? — не понял Сергей, отряхивая рукавицы. — Рабочий день же, четверг.

— В церковь хочу сходить, Рождество Христово нынче, двадцать пятое декабря — или в своих совхозах совсем Бога позабыли, не слыхали? — ворчливо и бесстрашно пояснила мать, туго завязывая тесёмки платка.

Фая выбежала в кухню навстречу зябкому, бодрящему потоку воздуха. Отец занёс в дом огромную охапку свежих сосновых дров с налипшими кусочками льда и, присев пред печкой на корточки, стал споро подбрасывать поленья в проснувшийся огонь.

— Сейчас… Сейчас нагреется, — весело приговаривал он, не обращая внимания на сердитый тон бабы Лены.

Отец задорно подмигнул Фае и начал стаскивать тулуп. Огромный овчинный воротник его тулупа тут же покрылся круглыми, блестящими сосульками от тающего прямо на глазах снежного кружева.

Фая с разбегу прыгнула на лавку возле чисто выскобленного стола, где уже дымилась высокая гора горячих блинчиков, и нетерпеливо протянула к ним ладошку:

— Можно, мам?

Мать, Кристина Павловна, ласково улыбнулась и одобрительно кивнула дочке, ловко наливая очередную порцию теста на раскалённую, шипящую сковородку…

* * *

Фая тяжело вздохнула в своей слепой тишине, со скорбной улыбкой вспоминая этот далёкий, сытный запах жаренных маминых блинчиков. Она сама когда-то, будучи зрячей ловко стряпала это любимое семейное лакомство. А теперь и того не может… Дочь Нэля напекла целую гору блинов совсем недавно — на поминальный день отца, но от них уже ничего не осталось, а новые Фая сама испечь не сможет при всём желании. Старушка пошевелила натруженными пальцами, вспоминая, с каким великим удовольствием её стряпню когда-то уплетали проголодавшиеся домочадцы.

Фая прикрыла незрячие глаза, пытаясь отчётливо воскресить в памяти лицо мужа в молодости. Она его и в старости-то последние десять лет из-за слепоты не видела, но помнила до единой морщинки. Да уж, этот красавец запал ей в самое сердце ещё до войны, в школе-интернате. Василий тогда, будучи на год старше, совсем не замечал пигалицу-школьницу, а она уже выделила его из всего окружения — кучерявого, ладного, с дерзким цыганским прищуром. Кто бы ей тогда сказал, через какие испытания им придётся пройти, чтобы наконец встретиться у реки…

Кинолента памяти со скрипом прокрутилась дальше, обнажая суровый, параллельный путь Василия.

* * *

Шахтаминское месторождение россыпного золота гудело, как растревоженный улей. Сюда, в затерянный среди забайкальских сопок посёлок Шахтама, жёлтая лихорадка стягивала со всех уголков страны безумные, отчаянные потоки людей. Горная тайга не спрашивала паспортов и сословий. Здесь, на узких старательских разрезах и у ночных костров, намертво

переплетались человеческие судьбы, которые в обычной жизни никогда бы не соприкоснулись: лихие забайкальские казаки, привыкшие к вольной степи и сабле, вчерашние беспаспортные переселенцы из голодных казанских или рязанских деревень, беглые ссыльные каторжники с клеймёными плечами и прожжённые золотоискатели, знавшие цену каждому фарту и пуле. Золотой песок Шахтамы уравнивал всех, смешивая языки, веру и кровь.

Чуть в стороне от этого бушующего человеческого моря, в тихом селе Банщиково, приютившемся у самой подошвы Шахтаминской долины, в 1924 году появился на свет Василий. Он родился в огромной, шумной семье, где таёжная казачья закваска столкнулась с неукротимой волей: корни Демидовых по материнской линии шли из глухого, кочевого цыганского рода.

Бабушка Василия, Пелагея Демидова, была чистокровной цыганкой — черноокой красавицей с жгучими, огромными очами. Такая как глянет, словно огнём полоснёт по сердцу. А мать Василия, Агафья, вся в неё пошла — глазищи огромные, бездонные, в них и небо сибирское тонуло, и вся таёжная глушь пряталась. Пётр Березин — стойкий к женским соблазнам, бравый казак, знавший толк в добрых конях и сабельной сече — а ведь утонул с первого взгляда в этом чёрном омуте колдовского взора.

Случилось это на закате, когда Пётр вывел на водопой своего любимого коня Карюху. Солнце уходило за сопки, окрашивая воду в багрянец и золото. Пётр сидел на поваленном брёвнышке в густой осоке, слушая, как Карюха шумно и благодарно тянет тёплую воду из реки. В этот миг к заводи Шахтамы тихо подошла Агафья. Она не видела притаившегося в тени казака: лёгким, летящим движением скинула верхнюю юбку и шагнула в вечернюю гладь реки, плавно рассекая ровное, остывающее течение.

Пётр затаил дыхание, боясь шелохнуться и вспугнуть это видение. Когда Агафья вышла из воды, лучи заходящего солнца скользнули по её плечам. Косища, толстая и тяжёлая, как чёрная змея, распустилась на груди, а мокрое нижнее платье облепило девичий стан так, что у молодого казака перехватило горло. Ну ни дать ни взять — русалка, вышедшая из речной глубины!

Агафья вскинула голову, отжимая волосы, и её бездонные чёрные глаза встретились со взглядом Петра. В этот короткий миг она, сама того не ведая, обронила глубокий якорь в мужское сердце. Пётр пропал от её нечаянных чар, чуть дар речи не потерял под этим колдовским взором. Не прошло и месяца, как он, наперекор всем казачьим предрассудкам, пришёл свататься к Демидовым. Сам Пётр был парнем ладным — русоволосый, голубоглазый, с открытым лицом, и он сразу пришёлся по душе строгой цыганской братии. В знак уважения и согласия Демидовы одарили зятя парой вороных коней, под стать его Карюхе — то было Агафьино приданое.

Поженились они. Детей народили. Первой родилась Дарья в 1916-м году, за ней — Иван в 1919 году, потом Наталья — в 1921-м году и следом уже Василий — в 1924-м году. После Василия у Березиных ещё две девки родились: Татьяна и Лидия.

Пётр только покряхтывал:

— Работников мал мала…

Так вот Василий, замешанный на смеси русской и цыганской крови, получился голубоглазым красавцем, с тонко выписанным носом и изящной линией рта. Кучерявый, он похож был на мать и своих цыганских дядьёв.

Не сиделось на одном месте новоиспечённой семье, да и цыганская кровь Агафьи играла. Перекочевали они из Банщиково в Сбега, поселились близ реки Мукурунда. В двадцатые годы активно создавались колхозы, и тогда требовалось сдавать сено, если хочешь откупиться от коллективизации. Никак не хотел Пётр расставаться со своей тройкой скакунов, а потому трудился на мукурундских покосах в поте лица, копил сено. И вот угнали однажды Карюху у Петра! Кто?! Ищи ветра в поле.

Самое удивительное, что нашла ведь тогда милиция этого ветра, но не в поле, аж в Сретенске! Пригнали Петру обратно коня:

— Твой?

Пётр не признал любимчика:

— Чёрный какой-то, вроде не мой…

Потом окликнул его свистом из загона:

— Карюха!!!

И тот сразу же прискакал на зов хозяина, затряс мордой, радостно отфыркиваясь.

— Ах, ты родной мой! — обрадовался Пётр. — Что ж они, черти, разукрасили тебя так — в чёрный цвет?! Ты мой бурка!

Но недолго радовался Пётр возвращению Карюхи. Очень уж красивый был скакун, так и целились на него колхозные активисты.

Пришло время сдавать сено. Замерили стог, честь по чести, вычислили по объёму копны вес, записали, сколько положено сдать. Пётр погрузил копёшку и повёз в колхозный амбар. Там взвесили, да ста килограммов-то и не досчитались: куда, дескать, дел? Своим припас? Пётр руками разводит:

— Всё по-честному, мужики, сколько накосил – всё привёз!

— Ну нет, брат, недостача у тебя!

Моментально завели дело, долго разбираться не стали и упекли в тюрьму растерянного Петра, невзирая на то, что шестеро по лавкам остались. Так в 1930-м году и сгинул у Василия батька в тюрьме. Потом уже, позже, разобрались, что при оформлении сбора не вычли объём подостожника, на который стог крепится, а он в аккурат сена килограммов на сто по объему-то и вытягивал! Курьёзом это не назовёшь, понятно, что злой умысел был замешан в этой бюрократической ошибке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.